

Искандер Неизвестный

МЕЖДУ ТЬМОЙ И ДЗЭН

<https://litres.ru/74603398>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Между тьмой и дзэн» — книга-путь, восемь частей одной судьбы. От каторги и клейма — через ложь, войну и утрату — к прозрению, любви, покою и тишине. Здесь нет героев и нет злодеев. Есть человек, который учится терпеть, лгать, воевать, видеть, быть, любить и, наконец, просто жить.

92 стихотворения, собранные в 8 частей, — это философская лирика о несвободе и воле, о памяти и забвении, о цене правды и силе маски, о любви, которая ранит и спасает, о жизни, которая становится привычкой. Каждая часть — отдельный этап, но все они связаны сквозным лирическим героем, чей голос меняется от отчаяния к мудрости.

В книгу вошли части: «Привычка терпеть», «Привычка лгать», «Привычка воевать», «Привычка видеть», «Привычка быть», «Привычка любить», «Привычка жить» и «Исторические поэмы».

Это поэзия для тех, кто не боится смотреть на боль, смерть, войну и одиночество — и находит в них свет. Для тех, кто ценит честное слово, глубокий образ и тишину между строк.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Искандер Неизвестный МЕЖДУ ТЬМОЙ И ДЗЭН

Глава

Полное собрание в восьми частях

«Между тьмой и дзэн» — это книга-путь, восемь частей одной судьбы. От каторги и клейма — через ложь, войну и утрату — к прозрению, любви, покою и тишине. Здесь нет героев и нет злодеев. Есть человек, который учится терпеть, лгать, воевать, видеть, быть, любить и, наконец, просто жить. Каждая часть — отдельный этап, но все они связаны сквозным лирическим героем, чей голос меняется от отчаяния к мудрости.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия

Часть I. Привычка терпеть (11)

Часть II. Привычка лгать (5)

Часть III. Привычка воевать (21)

Часть IV. Привычка видеть (15)

Часть V. Привычка быть (7)

Часть VI. Привычка любить (13)

Часть VII. Привычка жить (17)

Часть VIII. Исторические поэмы (3)

Вместо послесловия

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Читатель, ты держишь в руках книгу стихов. Но это не просто стихи. Это попытка дышать там, где воздуха нет. Это попытка видеть там, где свет погас. Это попытка остаться человеком, когда всё вокруг говорит, что это уже не нужно.

Я долго искал слово, которое могло бы стать названием. Перебирал: «Клеймо», «Клетка», «Окопы», «Глянец», «Свет». Всё было верно, но всё было неполно. А потом пришло простое, почти бытовое — «Привычка жить».

Жизнь — это привычка. Не подвиг, не дар, не проклятие, а привычка. Мы привыкаем ко всему: к боли, к страху, к гряд-

зи, к лжи, к окопам, к пустым витринам, к потерям. Привыкаем просыпаться, привыкаем идти, привыкаем молчать, привыкаем ждать. И в этом, наверное, самое страшное и самое великое, что есть в человеке: мы привыкаем даже к тьме. Но — и это важно — мы не перестаём искать свет.

Эта книга — о привычке. О привычке терпеть. О привычке лгать. О привычке воевать. О привычке видеть. О привычке быть собой. О привычке любить. И наконец — о привычке жить.

Здесь нет героев. Есть люди, которые делают то, что должны. Есть солдаты, которые не хотели быть солдатами. Есть бунтари, которые устали кричать. Есть матери, которые не перестают ждать. Есть поэты, которые не могут не писать. Есть тени, которые не ищут света — они сами стали им.

Каждый текст в этой книге — не ответ. Это вопрос, которым я жил. И если хоть один из них отзовется в твоей душе, значит, мы говорим на одном языке. Языке привычки. Языке жизни.

Искандер Неизвестный

ЧАСТЬ I. ПРИВЫЧКА ТЕРПЕТЬ

Клеймо это, со мною навсегда...

1. Каторжник

Угрюмый взгляд, на сердце – старый шрам,
Клеймо от каторги, что в душу залегло.
Не от судьбы, не от себя бежал,
Свершил свой грех, свернул с пути легко.

Леса чужие, снег, морозы жгут,
Под тяжким гнётом - Дух, под плетью тело,
Где светлый луч, где птицы запоют?
Лишь эхо боли, сердце онемело.

Не молод уж, не пылок больше взгляд,
Но помню волю, волю ту – как вздох.
Как птицей в небе, что летит назад,
Но крылья сломаны, ждет траурный полог.

Теперь молчит, и только стон порой
Из горла рвётся, как звериный вой.
Пусть Бог простит, и ангел надо мной
Запомнит муки, путь мой роковой.

И если спросят, как он жил,
Когда в глазах – лишь холод и печаль,
Скажите – был бы, в бездне, без следа,
Разбойник-каторжник...и никого не жаль.

2. Клеймо

В пыли забытых лет, в тиши могильной,
Звучит мой скорбный глас, мой еле слышный стон.
Проклятье жизни, то клеймо, неотвратимо,
Души моей печать, мой вечный, горький сон.

Невинность юности, как утренний цветок,
Сломал безжалостный, ночной, холодный ветер.
В сердце зацвёл, терновый, жгучий рок,
Что будет следовать до гробовых заветов.

Я слышу шепот, взгляд, смех едкий, злой.
Они летят, как камни, ранят, словно сталь.
Не скрыть мне этой раны, что всегда со мной,
Не смыть мне то пятно, уносит только в даль.

В глазах моих отныне тусклый свет.
Печаль безмерна, скорбь в душе моей живёт.
Мой путь тернист, на счастье мне – запрет.
Лишь память о былом, как призрак, всё гнетёт.

Иду я по земле, душа моя болит.
Клеймо – мой крест, мой вечный, тяжкий груз.
Несу его до гроба, а рассвет горит,
Оставшись в этом мире, как забытый блюз.

Пусть тлен земной исправит то, что было.

Уйду в забвенье, тихо, без следа.

Клеймо это, со мною навсегда,

Уйдёт со мной в небытие, как боль, как скорбь, как мгла.

3. Клетка

В бескрайнем космосе, где звезды меркнут,

И вечность шепчет о мирах далёких,

Родилось слово, что в сердцах застрянет,

Про клетку – символ судеб одиноких.

Не золотая, не из прутьев прочных,

А та, что в мыслях, в душах создаётся.

Она невидима, но гнёт её порочный

Навеки к сердцу пленника найдётся.

Великий царь, что правил океаном,

Имел блага, власть, изобилье.

Но мир внутри, сжигаемый обманом,

Его держал в незримом, лютот стиле.

Волшебник мудрый, что в стихиях властен,

Творил реальность, формы изменяя.

Но страх ошибки, горький, непонятный,

Его сжимал, покоя не давая.

И воин храбрый, что врагов сметает,

На поле битвы, где бушует мгла.
Но память о потерях убивает,
И совесть тихим голосом звала.

Не свод решеток, тот, что взгляд туманит.
Что изнутри нас медленно терзает,
Не каменные стены, не засовы,
То страх быть слабым, глупым, или новым.

То осуждение, зависть, подозренье,
Что жалят душу, как слепые змеи,
Что строят стены, словно великаны,
То ложь родным, себе для утешенья.

Но даже в клетке, где сгустилась темень,
И свет надежды кажется далёким,
Есть искра воли, что способна,
Разрушить узы, стать по-истине свободным.

Освободиться – значит, осознать,
Что ключ замка – в твоих руках.
Смелей шагнуть, и перестать бояться,
И выйти прочь на собственных ногах.

Пусть будет долгим путь, и путь тернист,
Но каждый вздох, что сделан на свободе,

Ценней сокровищ, что хранит каприз,
И драгоценней злата в древнем гробе.

Так разрушай свои невидимые цепи,
Разбей оковы, что тебя гнетут.
Ведь истинная сила – в твоём сердце,
И вечный бой за волю там ведут.

4. Капкан

Снег скрипел под лапой осторожной,
В предвкушении добычи, зверь лесной.
Запах морозный, чуткий, непреложный,
В чащу манил, зверь жаждал пир большой.

А там, где ели ветви расстилали,
И сумрак древний землю обнимал,
Металла запах, резкий, незнакомый,
Мертвой росой в воздухе витал.

Он шел, не чуя под собой подвоха,
Глаза горели жаждой, дик и смел.
И вдруг, привычный мир перевернулся,
Рванулся, боли взрыв, и он осел.

Беззвучный крик застыл в его глазах,
В зубах лишь ветер, полная луна.

Стальная хватка, боль, безмерный страх,
И понял зверь – добыча отдана.

Уже не будет он ловить зайчишку,
Не будет гнать лису в седой рассвет.
Лишь леденя, искра сожаленья,
Угаснет в нем, оставив только след.

А утром, лес, все так же безмятежно,
Смотрел на мир, где зверь уже не жил.
И только иней, тонкий, белоснежный,
На том капкане тихо серебрил.

5. Колючая проволока

Под небом стылым, хмурым, серым,
Где ветер стонет, словно вой,
Лежит спиралью, мёртвым мелом,
Колючей проволоки слой.

Она – свидетель тихий, вечный,
Немых людских страданий, слез.
Её узор – укор сердечный,
Как шторм небесный в буре гроз.

Скрутилась страхом, скорбью, болью,
Стальная нить, живая сеть.

Впивалась в плоть, в души, как молью,
Ей не дано простить, жалеть.

Её холодное касанье- Клеймо
На сердце, боль в глазах.
И чуждо то воспоминанье
О тех, кто был в её руках.

Она – черта, что разделяет,
Мир прошлый, светлый, и сейчас.
И в сердце тенью обитает,
Пуская горький, жгучий страх.

Теперь лежит, забыта, стёрта,
Среди бурьяна, пыли, мха.
Но боль её – не стёрлась, мёртва,
Она живёт, жива пока.

В тиши ночной, в рассветной дымке,
Её молчание звучит.
Как скорбный гимн, как эхо пытки,
Что время в сердце сохранит.

6. Воин Теней

Из мрака вышел, свет не зная,
Воин Теней, душа немая.

В молчанье скован, взгляд суров,
Его стезя – среди древних снов.

Не слышен шаг его нигде,
Лишь шорох крыльев в темноте.
Он не спешит, не знает страха,
Ведомый лишь мечом и плахой.

Его броня – как ночь без звезд,
Его клинок - терновый мост.
Мост между явью и забвением,
Несущий вечное мученье.

Он бродит там, где смерть царит,
Где эхо прошлого кричит.
Ища вину, ища покой,
В битве всегда с самим собой.

Забывший Бог свою мечту
Его деянья не поймут.
Но он идет, как тень вдали,
Хранитель вечной темноты.

Быть может, в сердце боль живет,
И свет надежды он зовет.
Но путь его – сквозь тьму и мрак,

Воин Теней, несет свой знак.

И каждый вздох, и каждый взгляд,
Как приговор, как вечный ад.
Он – тень, что вечно будет бдеть,
Сердца молитвы перестанут петь.

7. Доминант

Эпиграф:

«В Конго Дзен есть постулат, по-японски звучит, как Рики Ай Фуни – Единство Силы и Любви. Сила без Любви – это насилие, а любовь без силы – это бессилие»

Над миром властен, словно царь,
В глазах его – могильный жар.
Его слова – закон, приказ,
Не тронет губ его экстаз.

Он видит суть, он знает меру,
Он строит жизнь по праву веры.
Не терпит слабость, лжи и тлен,
Идет вперед, отринув плен.

Его дыханье – бури свист,
Его касанье – в пламе лист.
Он жаждет власти – алчность сил,

И мир земной он покори́л.

Но в глубине, где скрыта боль,
Играя тонко эту роль.

Он тоже может быть в тоске,
Когда закат горит в реке.

Он как орел, стремится ввысь,
Не зная страха, лишь печаль.
Но и орлу так нужен кров,
Укрытье от любовных чар.

И если встретишь взгляд его,
Не строй иллюзий, и не лги.
Он видит все, он знает все,
В руках его нити Судьбы.

Но тот, кто знает, как смирить
Стальную волю, как любить,
Найдет в нем верного отца,
Любовь и силу для творца.

Он – Доминант, он – путь и цель,
Он – тайна, что хранит постель.
Он – сила, что влечет людей,
Он – властелин своих идей.

Вы знали, как спокойно спать...
Он тот, кем Вы хотели стать?

8. Безмолвный Крик

В груди теснится гулкий мрак,
Сжимая горло ледяной рукой.
Я поднимаю свой небелый флаг,
Над выжженной душевной пустотой.

Слова застыли, как янтарь,
В заложниках сомкнутых губ.
Я сам себе — палач, алтарь,
Я сам себе — пророк, и труп.

Безмолвный крик сорвётся в бездну,
Не потревожив сонной тишины.
Я призываю тьму, но бесполезно —
Сквозь зубы рвутся призрачные сны.

Ни эха в стенах, и ни капельки тепла,
Лишь искры мысли в пустоте ночной.
Вся жизнь моя — из пепла и стекла,
И крик мой вечный — за моей спиной.

9. Вам больше не тронуть меня

Утихли бури, смолкли злые грозы,
Забыт урок, что выжжен на челе.
Я осушил последние все слезы,
На этой, равнодушной мне земле.

Там, где когда-то пламя полыхало,
Теперь лишь пепел серый и покой.
Мне горьких откровений стало мало,
Я стал незримым, словно тень, собой.

Слова, что раньше ранили до боли,
Теперь как шелест высохшей листвы.
Я вышел прочь из этой душной роли,
Где правил бал безликий блеск молвы.

Тяните руки — воздух лишь пустой,
Пытайтесь вновь нащупать нить в тумане.
Я стал для вас холодной высотой,
Спасенный от болезненных касаний.

Вам больше не тронуть меня никогда,
Я стер все следы на остывшем песке.
Как в бездну, упавшая в море звезда,
Я растворился в немой тишине.

10. Мы клоны Бездны

Среди холодных звездных пустошей,
Где время замирает в тишине,
Идём мы, беззвучно, как предчувствие,
По черной, ледяной своей тропе.

У нас нет лиц, у нас нет памяти,
Лишь отблеск бездны в глубине пустых очей,
И мы — осколки той великой тени,
Что пожирает свет чужих ночей.

А мы шагаем, строим отражений,
В нас каждый жест — как эхо пустоты,
Рожденные из призрачных сомнений,
Стираем за собою все мосты.

Наш голос — шепот ветра в коридорах,
Где не ступал ничей живой порог,
Но мы не знаем страха и укора,
Храня покой за гранью всех дорог.

Когда погаснет солнце в пыльной дымке,
А мир осядет пеплом на поля,
Без облика мы и без тени — Клоны Бездны,
Замкнём свой круг, где спит сама земля.

11. Мы сами себе палачи

Мы сами себе палачи и судьи,
В плену у невидимых, злых зеркал.
Мы топим в молчании наши будни,
Сжимая в ладони холодный металл.

Сплетаем петлю из привычек и страха,
На шею накинув тяжелую нить,
И сами же шепчем: пора на плаху,
Не смея прощения в сердце хранить.

Мы точим клинки о свои же обиды,
Врезаясь в живое, в немую мечту,
И тени былого, как злые гиды,
Нас тянут в густую, ночную черту.

Никто не придет, чтобы снять оковы,
Никто не подаст ледяной воды.
Мы в собственных клетках к войне готовы,
Стирая с дороги свои же следы.

Захлопнута дверь, и забиты окна,
В душе догорает последний фитиль.
Мы сами вершим этот суд жестокий,
Превращая в пепел цветущий стиль.

Лишь в зеркале – взгляд, что страшнее стали,

Знакомый до боли, чужой и пустой.
Мы всё, что имели, в бою потеряли,
Став сами себе и тюрьмой, и чертой.

ЧАСТЬ II. ПРИВЫЧКА ЛГАТЬ

Не увидать правды — этим вкусен...

12. Лесть

Улада слуха, сладкий яд в устах,
Она струится, словно сон прозрачный.
В её словах неправда, ложь и страх,
Обман пленительный, обман невзрачный.

Она струится, словно сон,
Пленит притворным блеском доброты.
Обман пленительный, обман невзрачный,
Скрывает в сердце грязные мечты.

Пленит прекрасным блеском доброты,
Скрывает в сердце грязные мечты,
И заставляет верить в ложный свет.
Разрушит душу, принесёт лишь вред.

И заставляет верить в яркий свет,
В её словах неправда, ложь и страх.
Разрушит душу, принесёт лишь вред,

Услада слуха, сладкий яд в устах.

13. Глупость

Глупость, как туман, ползёт незримо,
Словно тень, она прильнёт к душе.
Делает поступки неразумно,
А разум не услышит слово - нет.

Словно тень, она прильнёт к душе,
Мир вокруг становится бледней.
Разум не услышит больше слов,
Чем дальше от реальности людей.

Мир вокруг становится бедней,
Все мысли вязнут, как в болоте.
Чем дальше от реальности людей,
Тем сильнее разрушение плоти.

Все мысли вязнут, как в болоте,
Делает поступки неразумно.
Тем глубже вязнет в этой пустоте,
Глупость, как туман, ползёт незримо.

14. Гламур и глянец

Блеск зеркал, где ложь трепещет,
Идеальный мир, где нет забот.

Золотой песок фривольно блещет,
В нём потерян каждый оборот.

Золотой песок заманчиво манит,
Где фасад так ловок и искусен.
В нём потерян каждый поворот,
Не увидеть правды- этим вкусен.

Где фасад так ловок и искусен,
Глянец нас зовёт, скрывая боль и страх.
Не увидеть правды, там она потухнет,
Только блеск в холодных зеркалах.

Гламур зовёт, скрывая боль и страх,
Мир, идеальный, там где нет забот.
Там только блеск в холодных зеркалах,
И блеск зеркал, где ложь - чей он оплот?

15. Манипуляции

В тени зеркал, где свет всегда неровен,
Где шепот вкрадчив, словно серый дым,
Приходит тот, кто в шахматах искусен,
С улыбкой, ставшей обликом чужим.

Он нити тянет тонкими перстами,
Плетет узор из страхов и надежд,

Играет вашими же снами и слезами,
Меняя лики - тысячи одежд.

Сначала он — опора и спасенье,
Подаст воды, когда в душе пожар,
Но это лишь искусное внушенье,
Что он один — бесценный божий дар.

И вы плывете, вверенные лодке,
Не зная, что в руках его весло,
А на пути — негладкие бородки,
Рифов, приносящих в дом лишь зло.

Он скажет тихо: ты не справишься без веры,
Ты слаб, ты слеп, ты брошен на краю.
И вы, теряя всякие барьеры,
Сдаете крепость, жизнь и честь свою.

В вине винясь, не совершив проступка,
Вы ищете прощения в пыли,
А кукловод, как хитрая голубка,
Уже нашёл другие корабли.

Но в этой драме есть иной финал,
Который автор в спешке не предвидел:
Тот, кто других безжалостно ломал,

В итоге сам себя же ненавидил.

Ведь нити рвутся, если дернуть резко,
И маски падают, когда иссякнет ложь.
Жизнь — не спектакль, не яркая обложка,
Правда — острее, чем булатный нож.

Запомни: тот, кто тянет за веревки,
Лишь тенью станет в памяти твоей,
Когда ты выйдешь из его уловки,
Свободным став среди пустых теней.

16. Кукловоды

Над миром, где тени сплелись в полумраке,
Где каждый — лишь голос в безмолвной атаке,
Натянуты струны, невидимы глазу,
Что рвутся, как нервы, под натиском джаза.

Там кукловоды в плащах из забвенья
Вершат свои тайны, лишая движенья
Всех тех, кто уверен, что сам он шагает,
Пока кто-то сверху судьбу направляет.

Они не приходят в сиянье доспехов,
Не ищут признанья, вот тень их успехов.
Их пальцы — как иглы, их воля — как сталь,

Впиваются в вечность, уходящую вдаль.

Они наблюдают, как пешки на поле
Играют в свободу, не зная о боли,
Что скрыта в узлах, перетянутых туго,
В невольном стремленье бежать друг за другом.

На сцене из дыма, в театре из пыли,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.